

УДК 94(5)+94(470.47)

ПРАВО В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ОЙРАТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. ЧАСТЬ 1

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент,
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент
Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Улюмджи Владимирович Очиров

Российский государственный университет правосудия,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: o.ulyumji@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В представленной статье рассматриваются важнейшие источники монгольского и ойрат-калмыцкого средневекового права – «Великая Яса» Чингисхана и «Ики Цааджин Бичик» 1640 года, которые сыграли значительную роль в формировании и развитии правовой системы кочевых монгольских народов. Эти два законодательных памятника в комплексе с другими источниками права регламентировали устройство кочевой армии, организованной по военно-иерархическому признаку, упорядочивали систему хозяйственной культуры и социальную организацию общества, охватывали различные отрасли права – уголовное, гражданское, духовное (религиозное), семейное, наследственное, а также процессуальное (порядок судопроизводства, вопросы административного управления государством военного типа). В системе монгольского права довольно распространенным правовым источником являлся «зарлик» (ярлыки) – указы Великих Ханов империи и отдельных правителей государств чингизидов, жалованные, охранные и прочие грамоты. В рамках нашего научного исследования поставлена цель через анализ «Великой Ясы» Чингисхана и «Ики Цааджин Бичик» (1640 г.), различного рода ярлыков средневековых правителей Великого Монгольского Государства показать особенности правового регулирования общественных отношений в Золотой Орде, в частности, в монгольских и ойратских кочевых государственных образованиях.

Ключевые слова

Великая Яса, Ики Цааджин Бичик, Чингисхан, ярлыки ханов, система права, общественные отношения, монгольские народы, ойраты.

UDC 94(5)+94(470.47)

LAW IN THE GOLDEN HORDE AND OIRAT STATES OF THE MIDDLE AGES. PART 1

Ekaterina N. Badmaeva

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Ellara U. Omakaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Ulyumji V. Ochirov

Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia

Annotation

The article discusses the most important sources of Mongolian and Oirat-Kalmyk medieval law – the Great Yasa of Genghis Khan and Iki Tsaajin Bichik of 1640, which played a significant role in the formation and development of the legal system of nomadic Mongolian peoples. These two legislative monuments, in combination with other sources of law, regulated the nomadic army, organized according to a military hierarchical principle, streamlined the system of economic culture and social organization of society, covered various branches of law – criminal, civil, spiritual (religious), family, inheritance also procedural (court procedure, issues of administrative management of a military-type state). In the system of Mongolian law, a fairly common legal source was “zarlik” (labels) – decrees of the Great Khans of the empire and individual rulers of the states of Genghisides, granted, protection and other letters. In the framework of our scientific research, the goal was set, through an analysis of the “Great Yasa” of Genghis Khan and “Iki Tsaajin Bichik 1640”, various labels of medieval rulers of the Great Mongolian State, to show the features of the legal regulation of public relations in the Golden Horde, in particular, in Mongolian and Oirat nomadic state formations.

Keywords

Great Yasa, Iki Tsaajin Bichik, Genghis Khan, labels of khans, system of law, public relations, Mongolian peoples, Oirats.

ВВЕДЕНИЕ

Глубокое осмысление национально-государственных, культурных, хозяйственных, правовых традиций кочевых народов Евразии необходимо для понимания происходящих изменений в современном российском обществе, находящемся в процессе социальной трансформации, нацеленном на качественное изменение системы базовых общественных институтов, социальной структуры и человеческого потенциала. Прошлый исторический опыт, безусловно, важен для политической и социокультурной модернизации современной России. В этой связи анализ правовых норм и традиций, которые существовали у различных народов Российского государства, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Актуальность темы настоящей статьи обусловлена возросшим в современной науке интересом к выявлению исторических корней развития правовой системы Российского государства. В орбиту научного осмысления отечественных и зарубежных исследователей включается национальная система права народов России в предшествующие периоды истории, обеспечивавшая их жизнедеятельность на протяжении длительного исторического времени. Ученые исследуют различные источники права как законодательные памятники и как объект изучения социально-политического строя, повседневной жизни народов России. Правовое наследие кочевых народов Евразии, вне сомнения, должно быть взято на вооружение для дальнейшего совершенствования, оптимизации и реформирования правовой системы Российского государства. Между тем на нынешнем этапе правовой опыт российских народов еще в недостаточной степени учитывается в федеральном и региональном законодательствах. Также не менее важен накопленный многовековой исторический опыт сосуществования разных государств на евразийском пространстве для выстраивания добрососедских межгосударственных отношений современной России со странами Евразии, прошедшими кочевую стадию развития — Монголией, Казахстаном, Киргизстаном, Афганистаном и др. Что и как может быть использовано из богатейшего наследия кочевых народов для относительно безболезненного решения сложных общественно-политических, социально-экономических проблем современного Российского государства? Что нужно взять из прошлого в сегодняшний день для улучшения работы органов власти, системы права и управления, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в стране, стабильности международных отношений? Этими непростыми вопросами в наше время задаются и политики, и экономисты, и культурологи, и правоведа, и законодатели, и дипломаты. Ответы на них важны не только для изучения прошлой истории, но и для реагирования на сложные вызовы современности. Чтобы понять настоящее и уверенно двигаться в будущее, нужно с объективных позиций проанализировать реальный процесс развития общества и народов в прошлом, в особенности в решающие и переломные для них эпохи. Для монгольских и ойратских народов и племен такой эпохой — одновременно и потрясений, и реформаций — стало средневековье. Именно в это время в результате завоевательных походов Чингисхана и его преемников сложилось «Великое Монгольское государство», включавшее в период наивысшего расцвета обширные территории Центральной Азии, Южной Сибири, Восточной Европы, Ближнего Востока, Китая и Тибета. В империю Чингисхана входило множество народов и племен, в том числе

предки современных калмыков — ойраты, которых степной правитель в начале XIII в. присоединил к создаваемому им государству и которые в тот исторический период принимали активное участие в общемонгольских войнах и походах.

Неослабевающий интерес современного общества к кочевнической истории евразийских народов, к самому феномену кочевничества, актуализирует необходимость изучения процессов формирования права в огромной средневековой империи (Великом Монгольском государстве) и отдельных этнонациональных образованиях.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основную источниковую базу составили два важнейших правовых документа, сыгравших значительную роль в формировании и развитии государственности монголов. Это «Великая Яса» Чингисхана и «Ики Цааджин Бичик» 1640 г. Исследуемые нами историко-правовые памятники, безусловно, в комплексе с другими источниками права регламентировали устройство монгольских кочевых обществ и армий, организованных по военно-иерархическому признаку, упорядочивали систему хозяйственной культуры и социальную организацию общества, охватывали различные отрасли права — уголовное, гражданское, духовное (религиозное), семейное, наследственное, а также процессуальное (порядок судопроизводства, вопросы административного управления государством военного типа).

В системе монгольского права довольно распространенным правовым источником являлся «зарлик»: монголы под этим словом «понимали указ, изданный хаганом, или решение, принятое хаганом для назначения наказания в случае совершения лицом правонарушения» (Дугарова, 2014: 210).

Анализ «Великой Ясы» Чингисхана и «Ики Цааджин Бичик» 1640 г., а также различного рода ярлыков средневековых правителей Великого Монгольского государства позволяет показать особенности правового регулирования общественных отношений в Золотой Орде, в монгольских и ойратских кочевых государственных образованиях. Большой интерес представляет анализ норм права и источниковедческая характеристика «Великой Ясы» и «Ики Цааджин Бичик» как основных историко-правовых памятников монгольского права XIII–XVII вв., надолго определивших развитие общества, государства и права монголов и ойрат-калмыков.

Основополагающим является историко-системный метод, опирающийся на принципы историзма, объективности и комплексного подхода.

ОБСУЖДЕНИЕ

Первые труды о кочевом мире, содержащие сведения о нравах и обычаях, местах расселения, важнейших событиях истории номадов, появились уже в древности. В этих работах, в основном европейских авторов, кочевники представлялись варварами. Подобная точка зрения на кочевников долго доминировала в западной философской мысли, наиболее выпукло она проявилась в трудах Ф. Гегеля. Немецкий философ относил номадов ко второй доисторической стадии развития кочевничества, которые не дозрели до стадии образования государственности. В концепции

развития цивилизаций английского философа и историка А. Тойнби кочевничество отнесено к числу застывших цивилизаций, лишенных внутренних потенций для развития. Между тем, если внимательно всмотреться в историю кочевых народов Евразии средневековья, то в этот период кочевники являлись активными участниками исторических событий, оказывали серьезное воздействие на ход мировой истории. Потому запутанная и сложная кочевая история евразийских народов, их противоречивая роль в историческом процессе, существенный и до конца не оцененный вклад в развитие материальной и духовной культуры человечества, сокровищницу мировой цивилизации стали предметом многочисленных научных исследований в различных областях знания.

Отечественные авторы, изучавшие дореволюционный период российской истории, в основном рассматривали памятники обычного права и законодательные сборники кочевых народов в большей степени с точки зрения содержания, в меньшей — в аспекте изучения трансформационных процессов в обществах кочевников средневековья. В новое и новейшее время кочевнические государства и общества, образ жизни кочевников стали предметом пристального внимания в трудах Б. Я. Владимирцова, И. Я. Златкина, Г. Е. Маркова, Л. Н. Гумилева, Ш. Нацагдоржа, А. М. Хазанова, С. А. Плетневой, Н. Н. Крадина, Б. В. Базарова, С. Г. Кляшторного, Д. Г. Савинова, Ф. Л. Сеницына и др. В их работах перед нами предстает многогранная жизнь кочевых народов Евразии — региона со сложной и противоречивой историей, где зарождались и уходили в прошлое государственные и полугосударственные образования кочевников, возникали и исчезали различные этносы и этнические группы, происходило взаимодействие (не всегда мирное) кочевых и земледельческих цивилизаций. Многообразные исследования в различных областях науки — истории, археологии, этнографии, источниковедении, антропологии — кардинально изменили представления о прошлом кочевников евразийского континента. Центральным объектом востоковедных научных исследований по праву стали монголы, игравшие ведущую роль в средневековом историческом процессе. Образование Великого Монгольского государства, завоевательные походы Чингисхана и его преемников повлекли за собой целый ряд политических, экономических и культурных изменений в мировой истории.

Изучению средневекового права монголов посвящен ряд исследований (Бартольд, 1896; Леонтович, 1879; 1880; Монголо-ойратские законы..., 1880; Бюлер, 1846; Козин, 1941; Бира, 1960; 1997; 2006; Вернадский, 1939; Трепавлов, 1993; Насилов, 1986; Ням-Осор, 2002; 2003; Скрынникова, 1997; 2002; Дугарова, 2008; 2014; 2016; Почекаев, 2004; 2005; 2009; 2016; 2021 и др.).

Крупнейший исследователь монгольского права А. Рязановский в своих работах обстоятельно проследил последовательное развитие основных его институтов, дал их общую характеристику и установил, по мере возможности, тенденции развития. Автор детально проанализировал известные монгольские письменные правовые памятники, в частности, «Великую Ясу» Чингисхана (Рязановский, 1931).

Монгольский ученый Ш. Бира в своей работе «Их Монгол Улсын түүх, үзэл суртлын зарим онцлог асуудлууд» рассмотрел сущностные основы монгольского государства в средние века, в том числе формирование права как одного из важнейших его механизмов (Бира, 2006). В другой своей работе он обстоятельно проанализировал труды монголоведов, изучавших «Их засаг» Чингисхана (Бира, 1997).

С. Ж. Дугарова провела анализ средневековых нормативно-правовых актов монгольского государства и подробно остановилась на вопросе о природе и происхождении правовых памятников, что позволяет исследователям, по ее мнению, глубже раскрыть их содержательную часть. Исследователь считает немаловажной выработку единых критериев для определения названия источников права, выявления нормативно-правовых актов из общей массы исторических документов и т. д. (Дугарова, 2016: 32).

Организации судопроизводства в Монгольской империи посвящен ряд статей (Скрынникова, 2002; Почекаев, 2004). Р. Почекаев в статье «Статус ханов Золотой Орды: правовое регулирование» исследовал законотворческую деятельность ханов, выявил и проанализировал влияние права на определение их статуса, рассмотрел на примере торе, яс и ярлыков правителей проблему соотношения власти и права. (Почекаев, 2005).

Кочевой цивилизации Северной, Восточной и Центральной Азии, в частности, правовой системе Монгольской империи посвящен фундаментальный труд, состоящий из трех книг, вышедших в разные годы (Монгольская империя и кочевой мир, 2004; 2005; 2008).

Вопросы уголовного и гражданского права калмыков XVII-XIX вв., в том числе на примере «Ики Цааджин бичик», рассматривались в ряде работ (Сергеев В. С., Сергеев Б. В., 1998; Сарангов, 2007; Сангаджиева, 2016).

У исследователей монгольского и ойрат-калмыцкого права вызывает большой интерес, каким же образом зарождались и развивались в монгольском государстве правовые институты, регулировались общественные отношения в монгольском, ойратском, золотоордынском обществе, осуществлялось судопроизводство. В этом отношении исследуемые нами законодательные памятники и отдельные источники монгольского права представляют собой благодатный материал.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Правовые нормы как социальные регуляторы занимали важнейшее место в правовой системе средневековых государственных и полугосударственных кочевых образований Евразии. Достаточно развитая еще в дачинговский период нормативная система регуляции обычно-правового характера способствовала складыванию системы власти и управления, правосудия, формированию производственных, общественных и бытовых отношений, созданию соответствующей социально-нравственной атмосферы. Имеются сведения о том, что у кочевнических племен тюркского каганата (VI-VII вв.), еще задолго до Монгольской империи, на основе собственного права осуществлялись наделение верховной властью нескольких соправителей, назначение наместников на «полуавтономные» внутренние районы, функционировала десятичная организация войска, т. е. формировались прочные государственные традиции. Традиции тюркского обычного права (торе) в несколько измененном виде вошли в законодательство Золотой Орды, ставшее единым для многих народов империи. В этой связи можно согласиться с Р. Ю. Почекаевым, полагавшим, что торе наравне с обычным правом «йосун» составляло систему источников монгольского средневекового права: «Нормы торе в Золотой Орде стали нормами-принципами:

законодатели ссылались не на конкретные его положения, а на некую совокупность правовых идей, следование которым обеспечивало благоденствие государства и народа» (Почекаев, 2009: 32).

Известный исследователь истории российских народов В. В. Трепавлов также считает, что имперское законодательство Монгольского государства исходило из основных норм и принципов тюркского права «торе». Причем «торе», по его мнению, существовало в монгольском праве наряду с Ясой. Если последняя налагала бытовые ограничения и предусматривала наказания за преступления, то «торе» составляло «административное» законодательство, «сферу компетенции монарха» (Трепавлов, 1993: 39–40). Поэтому можно определенно сказать, что правовой опыт предшествовавших степных государственных образований, наряду с обычаями монгольских народов, является одной из фундаментальных основ «Великой Ясы» (монг. Их засаг хууль) Чингисхана.

Чингисхановский Ясак по своему значению, по той выдающейся роли, которую он сыграл в становлении и развитии правовой системы Монгольского ханства, Золотой Орды и ее государств, занимает особое место среди источников тюрко-монгольского права. Общепринято считать, что «Великая Яса» Чингисхана была представлена 33 фрагментами и 13 изречениями самого хана. Поскольку «Великая Яса» до настоящего времени известна лишь в отрывках и сокращенных изложениях у Джувейни, Рашид ад-Дина, Вассафа, Ибн Баттуты, Г. Абу-л-Фараджа, Макризи, то в нашем исследовании мы будем пользоваться сведениями о ее содержании из известных и опубликованных источников, не указывая при этом, из каких источников они взяты.

В научной литературе выдвигаются самые разные предположения о времени создания «Великой Ясы». Есть авторитетное мнение акад. Б. Я. Владимирцова о том, что она создавалась на протяжении довольно длительного времени: «как «Билик», так и «Джасак» («Великая Яса») создавались им (Чингисханом) не в одно время, не сразу; они составлялись и пополнялись в течение долгого времени и были делом жизни Чингисхана...» (Владимирцов, 2002: 83). По всей видимости, окончательная редакция «Великой Ясы» сложилась к 1225–1226 гг., еще при правлении Чингисхана. Основные ее положения оставались неизменными даже после включения в орбиту Монгольской империи новых, в том числе и высококультурных, народов. Предположительно только один из ханов (Угэдэй) на Всемонгольском курултае 1235 г. инкорпировал в Ясу несколько своих законов с учетом новых исторических условий. И то собственные правовые новации он приписал своему отцу для придания большей значимости предложенным им новым юридическим нормам.

Текст так называемого «Билика» представляет собой свод записанных изречений, высказываний и наставлений всемонгольского хана, содержащий как мысли, наставления и решения общего теоретического характера, так и высказанные им суждения по поводу различных конкретных случаев на самые разные темы, в большей степени носящие морально-этический, а не правовой характер. В этой связи можно согласиться с китайским ученым Цогтом, полагающим, что в состав Ясы входили не только юридические нормы, но и другие социальные нормы, не имеющие юридического содержания (Цогт, 2006: 56). Текст «Билика», по всей видимости, начал складываться еще во времена, когда у монголов не было письменности.

Позже текст был записан на уйгурской письменности, введенной в широкий обиход при Чингисхане. Первоначальный текст «Билика» предположительно был включен в Ясу на одном из великих курултаев (1229, 1235, 1240 гг.); время от времени он дополнялся и видоизменялся. В его основу были положены не только чингисхановские изречения, но также отрывки из текста «Великой Ясы».

«Билик» наравне с Ясой использовался в качестве регулятора общественных отношений в Монгольском государстве, и в комплексе они составили единый законодательный акт, ныне известный как «Великая Яса Чингисхана». По своему содержанию данный историко-правовой памятник, по мнению В. Цечоева и В. Власова, «лишь частично затрагивает отрасли административного, уголовного, семейного, гражданского права» (Цечоев, Власов, 2003: 197). Исследователи объясняют это тем, что «законодатель не различал отрасли права, а нормы всех отраслей права соотносятся в Великой Ясе с уголовным правом и даются в прецедентах» (Цечоев, Власов, 2003: 197).

«Великая Яса» в буквальном смысле означает регламент, т. е. кодекс или свод постановлений обычного права чингизидов. В юридической литературе данный памятник монгольского права принято считать своеобразным кодифицированным собранием законов и установлений, содержащим в себе нормы уголовного права, касающиеся различных сторон жизни государства, ханов, общества, семьи, рядовых воинов. Яса главным образом устанавливала правила военной организации монгольского войска, представлявшего собой вооружённую организацию степных кочевников, сформировавшуюся под влиянием их повседневного быта и военных традиций, не только собственных, но и народов центральноазиатского региона. По правилам Ясы, мужское население обязано нести воинскую повинность: «все мужчины должны служить в войске, за редким исключением». В случае невозможности служить предусматривалась отработка в пользу государства: «Все мужчины, не участвующие в войне, должны бесплатно работать на империю определённое время».

За основу организации кочевой армии Чингисханом была принята, как и во всех окрестных кочевых образованиях, десятичная система. Вся военизированная административная система делилась на десятки, сотни, тысячи, тьмы: «Организовывать войско следует из отрядов по 10, 100, 1000 и 10000 человек, чтобы можно было быстро собрать войско». При подготовке к военному походу Яса обязывала самого воина самостоятельно снаряжать себя: «вооружение и обмундирование воин делал за свой счет». В военное время «каждый воин получает своё оружие из рук непосредственного командира перед началом похода. Каждый воин обязан следить за состоянием своего оружия, а командир проверять его перед началом битвы». Монгольская кочевая армия была, по сути, единственной опорой ханской власти и основным реализатором ханских планов. Вполне естественно, что в обстоятельствах некоторой «зависимости» от своей армии правитель, управлявший государством военного типа, безусловно, должен был учитывать интересы всех участников ратных кампаний, в первую очередь, при дележе захваченной военной добычи. Военная добыча, как и скот, являлась объектом гражданско-правовых отношений.

Степными правителями вводился определенный правовой порядок перераспределения военных трофеев, полученных в результате захвата оседло-городских и кочевых обществ: «Военная добыча должна делиться следующим образом:

3/5 доставалось войску; 1/5 доставалась джихангиру (руководителю похода); 1/5 доставалась императору». Предписывалось дележ захваченной добычи начинать только после получения на это разрешения соответствующего начальства и только после уплаты положенного отчисления в пользу государства.

При дележе военной добычи существовали определенные привилегии: первыми выбирали себе трофеи представители знати, только потом — простые общинники. Самовольный грабеж и мародерство на захваченных территориях, присвоение трофеев без разрешения начальства и неправомерное овладение чужим оружием на поле боя наказывались смертной казнью.

Основой чингисхановской империи, согласно «Великой Ясе», оставалась родоплеменная система, существовавшая прежде в монгольском обществе. Само общество делилось на несколько крупных племен, в свою очередь разделявшихся на большое число мелких племен, которые на сходках выбирали своих вождей — ханов. Именно ханы и представители высшей администрации называются в Ясе в качестве субъектов права. «Великая Яса» определяла легитимность и порядок избрания хана. Под страхом смертной казни запрещалось самовольно провозглашать себя императором, если на то не было решения великого курултая. Законом титулы остальных народов империи определялись ниже монгольских. Только представителям правящей династии к имени собственному можно было добавить титул «хан»: например, Чингисхан, Удэгэй-хан. Монголо-татарская знать могла добавить только титул «бек» или «богатур» (Есугей-богатур, Бала-бек и т. д.). Тем самым в империи вводилась строгая иерархия власти (ханы, беки, эмиры и т. д.) (Цечоев, Власов, 2003: 197–198). Обязанностью каждого правителя, вступающего на трон (империи, улуса), было подтвердить на всеобщих курултаях свою приверженность идеям Ясы и докладывать на ежегодных сходах о безусловном следовании ее законам. Любое нарушение положений Закона действующим ханом должно было привести к его низложению и смерти: «Кто нарушит Ясу, лишится головы». Измена и неповиновение хану и наместникам считались особо опасными деяниями против государства. За эти преступления жестоко наказывались и представители знати, и простолюдины как из числа собственно монголов, так и покоренных народов.

Таким образом, Ясак являлся одновременно гражданским и административным кодексом, созданным для управления обществом и армией. К преступлениям общего права законодатель относил: неповиновение вышестоящим гражданским и военным лицам; дачу ложных показаний в суде против старших в роду и по воинской иерархии; несанкционированный переход из одного отряда в другой; самовольный уход без приказа с поста и из подразделения; неоказание помощи своим соратникам в бою; проявление сострадания и помощь врагу, равно как выказанная жалость к чужим рабам и т. д. В Уголовном праве кочевых обществ широко применялся правовой принцип, который сегодня мы называем принципом солидарной ответственности: за преступления воина отвечала десятка или сотня, к которой он принадлежал; они же организовывали розыск и поимку скрывшегося преступника. Яса запрещала подданным империи брать монголов себе в качестве рабов или прислуги. Смертная казнь была предусмотрена за присвоение не принадлежащего воину раба и пленника из вражеского стана. Однако воин, добровольно возвративший присвоенного им раба, не подвергался суровому наказанию, если у потерпевшей

стороны не имелось претензий. Смертный приговор полагался за бытовое убийство, однако он мог быть заменен выкупом в пользу родичей потерпевшего, размер которого зависел от социального и имущественного положения виновного. Сурово наказывалось воровство, за которое Яса строго предписывала: «Укрывшего коня или вола или иную равноценную вещь казнить, а тело расчленив надвое», при том «За меньшее воровство наказать, сообразно ценности украденного, количеством ударов палки: 7, 17, 27 и до 700». Однако телесного наказания можно было избежать, уплатив штраф в размере десятикратной стоимости украденного скота или вещи. Только при невозможности выплаты выкупов за бытовое убийство и уплаты штрафов за воровство применялась смертная казнь. В процессе дознания по уголовным и гражданским делам приглашались свидетели, к виновным применялись жестокие пытки, их, как правило, нещадно били плетью. Виды смертной казни в Золотой Орде были различные: переламывание спины, позвоночника, разрыв на части тела и т. д. В большинстве случаев лишение жизни по приговорам за разного рода военные и гражданские преступления совершалось публичным образом посредством удавливания на веревке, подвешенной к шее верблюда или лошади, волочения лошадыми (История..., 1999: 110). Известно и такое исполнение наказания: несколько воинов брали обречённого на смерть за плечи и за ноги, подтягивали ступни ног к макушке, и позвоночник ломался. Смерть наступала мгновенно. Таким образом, если верить историческим источникам, по приказу Чингисхана в самом начале 1227 года расправились с его сыном Джучи. Правда, насчет его смерти имеются и другие версии: болезнь и отравление (убийство) по приказу Чингисхана за уклонение от участия в курултае 1224 года.

В кочевых сообществах обычным правом регулировались также все имущественные, земельные и наследственные отношения, а неимущественные отношения — религиозными нормами и обычаями. После смерти отца все его права переходили к младшему сыну, а каждый из старших сыновей получал лишь долю от общего наследства. Приоритет младшего сына в наследственных делах свидетельствует о его особом положении и особой ответственности в роду. Последнее обстоятельство в бытовом плане получило свое преломление в виде того, что у многих современных тюрко-монгольских народов престарелых родителей обязан досматривать младший сын. В ханском роду особым объектом наследования выступало право собственности на землю улуса. Данное право на всю территорию государства принадлежало господствующему ханскому роду Джучидов. В империи Чингисхана исключительное право на царство отдавалось только его первым четверем сыновьям от старшей жены Бортэ — Джучи, Чагатаю, Угэдэю, Толую. Они были определены прямыми потомками правящей монгольской династии. В ханской семье младший сын считался наследником первой очереди на власть и на землю. Если в ней не было совершеннолетних мужчин, управление имуществом и попечительство переходили к старшей жене или к другим женам. Так, например, жена Угэдэй- хана Туракина-хатун, жена Гуюк-хана Огул-Гаймыш, жена Тулуй-хана Соркотани-беки правили страной до избрания нового хана.

Сыновья по мере взросления брали в свои руки бразды правления всеми делами ханства, при этом приоритет по главенству отдавался сыновьям старшей жены. Однако данное правило не всегда выдерживалось в семейных отношениях внутри ханских родов, зачастую вопрос о наследовании и главенстве становился причиной

длительных межсемейных распрей и ожесточенных конфликтов между родственниками. Уже с начала 30-х гг. XIII в. у монголов установилась жёсткая система наследования — минорат. Наследники Чингисхана подчинялись данному закону наравне со всеми. В соответствии с этим правом наследования огромную империю разделили на улусы. Во главе каждого из них встал внук Чингисхана. Они подчинялись великому хану, но в своих владениях их власть была абсолютной.

Семейно-брачное право практически у всех кочевых народов регулировалось стародавними обычаями; они являлись господствующим регулятором общественных отношений. Исключением не была и империя монголо-татар, где брак заключался по нормам обычного права. Семья выступала основой родовой организации, главой патриархальной полигамной семьи, составлявшей часть рода, являлся отец. Количество жен у главы семьи не было ограничено, при этом обычаи запрещали браки между кровными родственниками. Мужчина мог жениться на двух сестрах, равно как и иметь несколько наложниц. Данной нормой в повседневной жизни в основном пользовались представители родоплеменной знати. Как писал Плано Карпини, каждый монгол мог иметь столько жен, сколько позволяло его экономическое положение (Карпини, 1957: 49). Поскольку по основному монгольскому закону главенствующая роль в обществе и семье принадлежала мужчинам, то они являлись собственниками всего семейного имущества и отвечали в обществе за все обязательства семьи. Так, задолжавший отец обедневшей семьи имел право отдавать своих детей за долги в услужение и даже продавать в рабство. Отец распоряжался судьбой всех своих детей, являлся инициатором брака сыновей, решал, на ком их женить, за представителя какого рода выдать замуж дочерей.

Монголы, ойраты, как и многие кочевые народы монголо-тюркского мира, практиковали обычай раннего сватовства, когда семьи в знак глубокого уважения друг к другу договаривались о свадьбе еще не рожденных или новорожденных детей. У монгольских народов существовал обряд, когда родители договаривались о женитьбе детей в их младенчестве. Но окончательное решение они принимали только после ознакомления с родословной будущих сватов. Если род невесты был достойным, родственники потенциального жениха одаривали нареченную различного рода подарками, т. е. происходила своеобразная «покупка» будущей снохи. Согласно обычаю, родители дарили девочке — намеренной невесте — ценный подарок; у киргизов это могли быть, например, серебряные серьги (*сейке салуу*). С этого времени считалось, что жених и невеста помолвлены, и об этом знало дальнее и ближнее окружение семьи, при этом отступление от данного торжественного обещания осуждалось в обществе. Достигнув брачного возраста, жених и невеста вступали в законные отношения. Условия и порядок заключения брака являлись, по своей сути, гражданско-правовым договором, подписанным между семьями, а не будущими супругами. Заключение брака у кочевых народов рассматривалось с экономической и хозяйственной стороны как возможность укрепить свое благосостояние. Семейные отношения начинались с выполнения имущественных условий заключения брака. Семья жениха при материальной поддержке рода выкупала невесту из ее семьи, которая в свою очередь обязана была выделить ей приданое. Размер выкупа определялся имущественным положением невесты. Расходы на брачные торжества определялись общественным и имущественным положением родственников с обеих брачующихся сторон. В кочевых обществах допускалось похищение невесты, происходило это

в основном из-за невозможности выплаты выкупа. Если похищение случалось, то украденная невеста была обязана выйти замуж за похитителя. Умыкание невест, а иногда и чужих жен, в монгольском кочевом обществе происходило довольно часто. Об этом свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», на страницах которого рассказано о подобных инцидентах в кочевом обществе и связанных с ними порой грандиозных последствиях.

Гораздо реже встречались разводы между мужем и женой, основанием для расторжения могли стать только какие-то веские причины и основания. Семья рассматривалась как хозяйственная единица, поэтому при родовой организации сохранность семьи позволяла обеспечить реализацию экономических интересов всего рода. Случаи измены жены мужу были крайне редки, они считались страшным человеческим грехом и порицались в обществе. Супружеские измены наказывались строго: «Всякий замеченный в супружеской измене наказывается смертью, и виновные в нём могут быть убиты на месте». Но вот что интересно, за такое страшное преступление как изнасилование девушки, женщины закон карал не столь строго: только отсечением рук. Женщины, наложницы должны были заниматься воспитанием детей, содержанием семьи, ведением домашнего хозяйства. Великая Яса так определяла их ответственность: «Женщины должны заниматься собственностью и хозяйством». В. Рубрук, посетивший ряд золотоордынских городов (Сарай, Саксин, Суммеркент), писал: «Обязанность женщины состоит в том, чтобы править повозками, ставить в них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и сшивать их, и сшивают их они ниткой из жил» (Греков, Якубовский, 1950: 22). В то же время, по свидетельству фламандского монаха-францисканца, в основные обязанности женщин по ведению хозяйства входили и такие нелегкие, «чисто мужские» в нашем сегодняшнем представлении работы, как управление повозками, сбор и разборка жилищ и т. п. Исполнение этих обязанностей для женщин кочевых сообществ было как бы привычным делом. Необычно то, что, по Ясе, они были обязаны замещать мужчин, не явившихся по каким-либо причинам на призыв, и участвовать в военных баталиях. Можно ли на основании данной правовой нормы говорить о гендерном равноправии в кочевом монгольском обществе? Можно, но только в определенной степени. Во всяком случае, в монгольском обществе знатные женщины могли принимать участие в общих беседах на самые разные темы, высказывать свои суждения и мнения. Из различных исторических источников известно, что Чингисхан при принятии решений, в том числе политических, советовался с женой Бортэ и мамой Оэлун.

В Золотую Орду входили народы и племена, находившиеся на разных стадиях социально-экономического и культурного развития, исповедовавшие различные религии — буддизм, ислам, христианство, а также язычество. В разнорелигиозной империи любое навязывание или преимущество той или иной веры могло привести к скорому распаду империи. Чингисхан, осознавая большое значение религиозных воззрений в жизни народов, входивших в его империю, в законах Ясы провозгласил полную религиозную свободу, предписывал терпимость в вопросах религии, необходимость почитания Единого Бога (Тэнгри, Иисус, Будда или Магомет). В татаро-монгольском государстве религиозная вера охранялась законом. Служители культа освобождались от всяких податей. К примеру, первый ярлык, выданный ханом

Менгу-Темиром митрополиту Кириллу, обеспечивал свободу вероисповедания верующим и неприкосновенность церковного имущества. По известным ныне ярлыкам монгольских ханов, Русская православная церковь не платила дань и была освобождена от других повинностей. Ей были оставлены всё золото и денежные средства, все здания и сооружения. Это и подкупало православных священников, которые не возвышали голос против иноземных захватчиков. Монголы чтили не только своих святых, но почитали и святых покоренных ими народов. Более того, Чингисхан повелевал выказывать особое почтение к храмам и к духовным лицам. Главный закон империи требовал смертной казни для всякого, кто оскорбит священника какой-либо религии, даже если этот преступник — монгол, а священник принадлежит к покоренному народу (Хара-Даван, 1991). Нарушением норм религиозной морали, этики, обычаев, оскорблением бога и тягчайшим преступлением считались такие немыслимые по понятиям монголов человеческие пороки (но все же встречающиеся в обществе), как прелюбодеяние, половые извращения, которые осуждались общественностью и по монгольским законам жестко наказывались смертной казнью.

В «Великой Ясе» имелись нормы права, которые сегодня кажутся причудливыми и суровыми с точки зрения состава преступления и наказания за них: смертной казнью наказывали за волшебство и колдовство, подсматривание за поведением других (в особенности знатных особ и начальства), мочеиспускание в костер. Подвергались каре даже те, кто подавился за столом костью. Наказание устанавливалось, к примеру, за забой скота неустановленным способом: «Запрещено резать горло животным, добытым для еды. Животное надлежит связать, вскрыть ему грудь, и охотник рукой должен вырвать ему сердце». Под страхом смерти запрещалось стирать бельё или купаться в проточной воде во время грозы. Подобного рода запреты-табу, как пишет Р. Рахманалиев, на самом деле основывались на старинных обычаях тюркских и монгольских народов Евразии и «опирались на древний тюрко-монгольский анимизм, вобравший в себя в разной степени маздейские и китайские элементы» (Рахманалиев, 2009: 33).

Нормы «Великой Ясы», впрочем, как и правовые нормы любого кочевого государства, были направлены на удержание власти и господства правителей, поддержание общеимперских порядков. «Великую Ясу» Чингисхан задумывал как правовой документ постоянного действия, и для его потомков она должна была стать нерушимым законом. Известно, что сам степной правитель в канун своей кончины в максимально жесткой форме требовал от своих приближенных не изменять установленные им законы — «Великую Ясу» с тем, чтобы не было смуты в государстве. Сам он являл собой живой пример безусловного подчинения законам государства. Подаваемый им пример законопослушания, безусловно, оказывал благотворное влияние на нравы всей монгольской администрации, что, в свою очередь, воспитывало народ в духе строгой законности.

«Великая Яса» еще долгое время оставалась правовой основой великой империи монголо-татар, вплоть до ее распада, но не была единственным источником права. Кроме нее, в Золотой Орде действовали ясы чингисхановских преемников, срок их действия ограничивался только периодом их правления. «Великой Ясой» и ясами преемников руководствовались все органы правосудия, в том числе и сами суверенные ханы.

Литература

Бартольд, В. (1896). Образование империи Чингиз-хана (Пробная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 8-го апреля 1896 г.). *Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества*. X. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук. 105–119.

Бира, Ш. (1960). *Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII-XIX)*. Улаанбаатар.

Бира, Ш. (1997). К итогам изучения закона «Их засаг» (Великая Яса) Чингисхана за последний период. *Бюллетень Международной ассоциации монголоведов*. 2(20).

Бюлер, Ф. А. (1846). Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы, их история и настоящий быт. *Отечественные записки*. СПб., 2. 47. 7. 1–28; 8. 59–125; 48, 10. 58–94; 49. 11. 1–44.

Вернадский, Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. С приложением главы о Ясе из «Истории» Джувейни в переводе В. Ф. Минорского (1939). Исследования и материалы по истории России и Востока = *Studies in Russian and Oriental History*. 1. 12–148.

Владимирцов Б. Я. (2002). *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М.: Восточная литература.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. (1950). *Золотая Орда и ее падение*. Москва: АН СССР,

Гурлянд Я. И. (1904). *Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие*. Казань: Типография Императорского университета.

Дугарова, С. Ж. (2008). Судебная система и судопроизводство в монгольском средневековом государстве. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2. 115–118.

Дугарова, С. Ж. (2016). *Историография Монгольского государства и права (XIII–начало XIX вв.)*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета.

Дугарова, С. Ж. (2014). Историографический обзор источников «Великой ясы» Чингисхана / С. Ж. Дугарова, Е. Ж. Дугарова. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2. 158–164.

Их цааз («Великое уложение»): памятник монгольского феодального права XVII в.: ойрат. текст / АН СССР, Ин-т востоковедения; введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, 1981.

Козин, С. А. (1941). *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года*. М.; Л.: Издательство АН СССР.

Крамаровский М. Г. (2002). Символы власти у ранних монголов. Золотоордынские пайцзы как феномен официальной культуры. *Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие*. М., 2002. 212–224.

Леонтович, Ф. И. (1879). *К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойротский устав взысканий (Цааджин-Бичик)*. Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879.

Леонтович, Ф.И. (1880). *Калмыцкое право*. Ч. 1. Одесса: Типография Г. Ульриха.

Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши (1880). Калмыцкий текст с русским переводом и примечаниями исправляющего должность экстраординарного профессора в Санкт-Петербургском университете К. Ф. Голстунского. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук.

Монгольская империя и кочевой мир. Книга 1 (2004). / Под ред. Базарова Б. В., Крадина Н. Н., Скрынниковой Т. Д. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН.

Монгольская империя и кочевой мир. Книга 2 (2005) / Под ред. Базарова Б. В., Крадина Н. Н., Скрынниковой Т. Д. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН.

Монгольская империя и кочевой мир. Книга 3 (2008) / Под ред. Базарова Б. В., Крадина Н. Н., Скрынниковой Т. Д. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН.

Насилов, А. Д. (1986). Новые сведения о монгольском феодальном праве (по материалам «Восемнадцати степных законов»). *Mongolica-I. Памяти Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884–1931.* М.: Наука. 169–182.

Ням-Осор, Н. (2002). *Их засаг хууль бол монголчуудын тэнгэрлэг оршихуйн үндэс мөн.* Улаанбаатар.

Ням-Осор, Н. (2003). *Монгольское государство и государственность в XIII–XIV вв.* Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН.

Почекаев, Р. Ю. (2004). Суд и правосудие в Золотой Орде. *Правоведение.* 2. 217–232.

Почекаев, Р. Ю. (2005). Статус ханов Золотой Орды: правовое регулирование. *Монгольская империя и кочевой мир.* Кн. 2. Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН. 146–156.

Почекаев, Р. Ю. (2009). *Право Золотой Орды.* Казань: Фэн.

Почекаев, Р. Ю. (2016). *Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время).* Казань: Татарское книжное издательство.

Почекаев, Р. Ю. (2021). Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв. (опыт сравнительно-правового анализа). *Монголоведение.* 13(1). 8–21.

Рахманалиев Р. (2009). *Империя тюрков. Великая цивилизация.* М.: Рипол.

Рубрук, В., Карпини, П. *История Монголов / Путешествие в восточные страны.* СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911.

Рязановский, В. А. (1931). *Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк.* Харбин: Тип. Н. Е. Чернышева.

Сангаджиева, Н. Н. (2016). Обычное право калмыков: социокультурные основания. *Вестник Калмыцкого университета.* 2 (30). 148–154.

Сарангов, Ц. А. (2007). Калмыцкое право в исследованиях отечественных историков и правоведов: юридическая наука и практика в современной России. *Проблемы регионального управления, экономики, права и инновационных процессов в образовании: Юридическая наука и практика в современной России.* V Международная научно-практическая конференция. 3. Таганрог: Изд-во Таганрогского института управления и экономики. 130–137.

Сергеев, В. С., Сергеев, Б. В. (1998). Цааджин-Бичик 1640 года. Русский перевод текста / *Уголовное и гражданское право калмыков XVII–XIX вв. (историко-правовые очерки).* Элиста: АПП «Джангар».

Скрынникова, Т. Д. (1997). *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана.* М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Скрынникова, Т. Д. (2002). Судопроизводство в Монгольской империи. *Altaica.* VII. М.: ИВ РАН. 163–174.

Трепавлов, В. В. (1993). *Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности.* М.: Наука.

Уланов, М. С., Бадмаев, В. Н., Мацакова Н. П. (2016). Буддизм и правовая традиция в Монголии. *Былые годы.* 4. 168–176.

Цечоев, В. К., Власов, В. И. (2003). *История отечественного государства и права.* Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс.

Цогт (2006). *Монголын хаант улсын уеийн монгол туух судлал*. Хөх хот.

Хара-Даван, Э. (1991). *Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV века*. 2-е изд. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

References

Bartold, V.V. (1896). The formation of the Empire of Genghis Khan (Trial lecture delivered at St. Petersburg University on April 8, 1896). *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. X. St. Petersburg: Imp. Acad. Sciences. 105–119 (in Russian).

Bira, S. (1960). *Mongolian Tibetan-language historical literature (XVII–XIX)*. Ulaanbaatar (in Russian).

Bira, S. (1997). To the results of the study of the law «Great Yasa» of Genghis Khan for the last period. *Bulletin of the International Association of Mongolists*. 2 (20).

Buler, F.A. (1846). Foreigners roaming and sedentary in the Astrakhan province, their history and real life. *Domestic notes*. SPb. 2. 47. 7. 1–28; 8. 59–125; 48, 10. 58–94; 49. 11. 11–44 (in Russian).

Vernadsky, G. V. On the composition of the Great Yasa of Genghis Khan. With application chapters on Yasa from Juvaini's "History" translated by V. F. Minorsky (1939). Studies and materials on the history of Russia and the East = *Studies in Russian and Oriental History*. 1. 12–148 (in Russian).

Vladimirtsov B. Ya. (2002). *Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples*. M.: Oriental literature (in Russian).

Grekov B. D., Yakubovsky A. Yu. (1950). *Golden Opda and its fall*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Gurland Ya. I. (1904). *Steppe legislation from ancient times to the 17th century*. Kazan: Imperial University Printing House. Dugarova, (2008). The judicial system and legal proceedings in the Mongolian medieval state. *Bulletin of the Buryat State University*. 2. Economics and law. 115–118 (in Russian).

Dugarova, S. Zh. (2016). *Historiography of the Mongolian state and law (XIII–beginning of XIX c.)*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS (in Russian).

Dugarova, S. J. (2014). Historiographic review of the sources of the "Great Yasa" of Genghis Khan / S. Zh. Dugarova, E. Zh. Dugarova. *Bulletin of the Buryat State University*. 2. 158–164.

Golstunsky, K. F. (1880). *Mongol-Oirat laws of 1640, additional decrees of the Galdan-huntaji and laws drawn up for the Volga Kalmyks under the Kalmyk Khan Donduk-Dasha*. SPb. (in Russian).

Grekov, B.D., Yakubovsky, A. Yu. (1950). *Golden Orda and her fall*. (in Russian).

Gurlyand, Ya. I. (1904). *Steppe legislation from ancient times to the 17th century*. Kazan. (in Russian).

History of the domestic state and law (1999). *History of the domestic state and law*. Part I.: Textbook / Ed. prof. O.I. Chistyakova. M.: Publishing House BEK. (in Russian).

Ikh Tsaazh: Monument of Mongolian feudal law of the XVII century (1981) / Oirat text, transliteration of the composite Oirat text, reconstructed Mongolian text and its transliteration, translation, introduction and comments Dylykova. M. (in Russian).

Karpini J.P., Rubruk G. de. (1957). *The history of the Mongols. Journey to the Eastern countries* / ed., Entry. Art. and note. N.P. Shastina. M.: State publishing house geogr. lit. (in Russian).

Khara-Davan, E. (1991). *Genghis Khan as a commander and his legacy. Cultural and historical sketch of the Mongol Empire of the XII–XIV centuries*. 2nd ed. Elista: Kalmyk book publishing house (in Russian).

Kramarovsky, M. G. (2002). Symbols of power in the early Mongols. Golden Horde Payzi as a phenomenon of official culture. Turkic digest 2001. *The Golden Horde and its heritage*. M. 212–224 (in Russian).

- Leontovich, F. I. (1879). *On the history of the law of Russian foreigners. Ancient Mongolian-Kalmyk or Oirot statute of penalties (Tsaadzhin-Bichik)*. Odessa: Type. G. Ulrich (in Russian)
- Mongol Empire and the nomadic world (2004). Book 1 / Bazarov B.V., Kradin N. N., Skrynnikova T.D. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS (in Russian).
- Mongol Empire and the nomadic world (2005). Book 2 / Bazarov B.V., Kradin N. N., Skrynnikova T.D. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS (in Russian).
- Mongol Empire and the nomadic world (2008). Book 3 / Bazarov B.V., Kradin N. N., Skrynnikova T.D. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS (in Russian).
- Nasilov, A. D. (1986). New information about the Mongolian feudal law (based on the materials of the "Eighteen Steppe Laws"). *Mongolica-I*. In memory of Boris Yakovlevich Vladimirtsov. 1884–1931. M.: Nauka. 169–182.
- Nyam-Osor, N. (2002). *Ikh zasag khuul' bol mongolchuudyn tengerleg orshikhuyn yndes men*. Ulaanbaatar.
- Nyam-Osor, N. (2003). *Mongolian state and statehood in the XIII–XIV centuries*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS (in Russian).
- Pallas, P. S. (1788). *Traveling to different provinces of the Russian State*. Atlas. SPb.
- Pochekaev, R. Yu. (2004). Judgment and justice in the Golden Horde. *Jurisprudence*. 2004. 2. 217–232 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2009). *The Right of the Golden Horde*. Kazan: Feng (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2005). Status of the Khans of the Golden Horde: legal regulation. *The Mongol Empire and the nomadic world*. 2. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the SB RAS. 146–157 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2016). *Chingiz Law. The legal heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar khanates and the states of Central Asia (Middle Ages and New Time)* (in Russian).
- Rakhmanaliev, R. (2009). *Empire of the Turks. Great civilization*. M.: Ripol (in Russian).
- Ryazanovsky, V.A. (1931). *Mongolian law (mostly customary). Historical background*. Harbin (in Russian).
- Sangadzhieva, N. N. (2016). Kalmyk customary law: sociocultural grounds. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2 (30). 148–154 (in Russian).
- Sarangov, Ts. A. (2007). Kalmyk law in the research of domestic historians and jurists: Legal science and practice in modern Russia. *Problems of regional management, economics, law and innovative processes in education: Legal science and practice in modern Russia*. V International Scientific and Practical Conference. 3. Taganrog: Publishing house of Taganrog Institute of Management and Economics. 130–137 (in Russian).
- Sergeev, V.S., Sergeev, B.V. (1998). Tsaadzhin-Bichik 1640. Russian translation of the text / *Criminal and civil law of Kalmyks in XVII–XIX centuries (historical and legal essays)*. Elista: APP "Dzhangar" (in Russian).
- Skrynnikova, T. D. (1997). *Charisma and power in the era of Genghis Khan*. M.: Nauka (in Russian).
- Skrynnikova, T. D. (2002). Legal proceedings in the Mongol Empire. *Altaica*. VII. 163–174 (in Russian).
- Trepavlov, V. V. (1993). *The political system of the Mongol Empire of the 13th century: The problem of historical continuity*. M.: Nauka (in Russian).
- Tsechoev, V. K., Vlasov, V. I. (2003). *History of the national state and law*. Teaching aid. Rostov-on-Don: Phoenix (in Russian).
- Tsogt (2006). *Mongolian history of the Mongolian kingdom*. Hohhot.

Ulanov, M.S., Badmaev, V.N., Matsakova, N.P. (2016). Buddhism and the legal tradition in Mongolia. *Bylye gody*. 4. 168–176 (in Russian).

Vladimirtsov, B. Ya. (2002). *Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples*. M.: Oriental literature (in Russian).